

Веб-журнал "Европейская Афиша" N5 28/04/2011 www.afficha.info

Под сенью девушек в цвету.

Екатерина Богопольская

«Барышни из Вилько», кто помнит, был такой фильм Анджея Вайды по новелле классика польской литературы Ярослава Ивашкевича с Даниэлем Ольбрыхским. Новелла Ивашкевича по настроению совпадает с постоянной темой Херманиса – возвращение в прошлое в поисках утраченного времени, ностальгия по красоте уходящего или давно ушедшего мира. Главный герой, Виктор Рубен после 15-летнего отсутствия возвращается в Вилько, в усадьбу, где в юности проводил каникулы и был счастлив в доме шести сестер - Фели, Жоли, Зоси, Кази, Юльчи, Туни. То время осталось в его душе как прекрасное воспоминание, пронесенное сквозь все жизненные испытания. Отправляясь в Вилько, Виктор хочет забыться, избавиться от внутренней опустошенности, от воспоминаний войны.

Photo Marcello Norbeth

У Вайды в усадьбе сестер все еще дышало почти чеховской атмосферой, спектакль Херманиса скорее вариация на тему «Города

женщин»: он перенес действие из конца двадцатых (как было у Ивашкевича) в послевоенные сороковые, убрал всех второстепенных персонажей, оставив только главного героя, Виктора, и шесть барышень из Вилько, представляющих всю палитру женской чувственности. Ибо все сестры так или иначе были влюблены в Виктора. И когда он возвращается, все повторяется снова, настоящее и прошлое не то сливаются, не то дwoятся в воображении героя, он вновь окунается в мир своих юношеских грез, влюбленный, как и встарь, во всех сестер сразу.

Томление словно разлито в воздухе этого спектакля. С чувственной осязаемостью Херманис дает вдохнуть все ароматы, почти физически прикоснуться к навсегда ушедшему времени. Но это не поиски утраченного времени, скорее сюда больше подходит название другого романа Пруста, «Под сенью девушек в цвету».

Усадьба – высокие, во всю сцену, окна, под ними все пространство в глубине завалено настоящим сеном, с которым в конце сестры начнут свои игры. На переднем плане с одной стороны - большой шкаф, с другой - длинный стол со стульями, все стены заставлены полками с банками варений и солений. Дом, в котором безраздельно царствует таинственная и пугающая Виктора (Сержио Романо) стихия женского. Вот эта восхитительная стихия женского и есть собственно сюжет «Барышень». Давно не приходилось видеть на парижской сцене таких красивых актрис-когда на сцену из платяного шкафа выскакивают на сцену, как из шкатулки времени, барышни из Вилько, зал едва сдерживает восторженный возглас.

Photo Marcello Norberth

Жола- Лаура Мариони и Виктор –Сержио Романо

Все, что связано с чувственным, вещным миром очень важно для этого спектакля: перенеся действие во времена после второй мировой, Херманис устраивает на сцене настоящее дефиле моды конца сороковых с той же подробной, радостной обстоятельностью, с какой показывал процесс приготовления торта дурехой Соней в другом своем спектакле, «Соня». Героини без конца одеваются - раздеваются, высокие каблуки, струящиеся, обвивающие женское тело цветастые платья, гимн всему женскому, которое переливается здесь всеми красками, всей палитрой... А еще по сцене ездят узкие стеклянные витрины, в которых происходят свидания сестер и Виктора – томительно- сладостные или ернически-ироничные объятия, поцелуи, исповеди, витрины с сестрами вращаются вокруг Виктора таким мерцающим хороводом желаний. Как всегда, спектакли Херманиса наполнены настоящей актерской прелестью. У каждой из сестер с ним своя единственная история, но как бы не называть, все истории любовные.

Присутствие среди живых сестер мертвой Фели не удивляет – о ней помнят постоянно. Немного похожая на манекен из воска, отстраненная Феля Ирене Петрис все такая же утонченно-красивая, только, в отличие от сестер, лишена жизненной энергии. Смерть Фели окружена в доме таинственным молчанием. Со временем Виктор узнает, что Феля, которую он когда-то больше всех любил, но так и не признался в этом, покончила жизнь самоубийством после его отъезда. Оказывается, его недоступная красавица, мечты о которой не покидали его все пятнадцать лет, тоже любила его.

Photo Marcello Norbert

Феля- И.Петрис и Виктор - С.Романо

Воспоминания, прикосновения, полутона. Переодевания, сладость и дурман женского белья, чулок, корсетов. В начале барышни по очереди бросают в воздух пригоршни пудры, и герой пытается поймать ее, чтобы вдохнуть этот сладостный неуловимый запах женщин, запах ушедшей эпохи.

Партитура спектакля состоит из ритмических, повторяющихся, как в танце, движений сестер (хореография Аллы Сигаловой), музыки, цветовой палитры, создающих мощное игровое поле, в котором любой, даже бытовой жест становится частью искусной картинки. Лирические зарисовки Херманиса, в чем-то напоминающие любовные дуэты Пины Бауш - все и романтично и чуть порочно, как намек, как легкое дуновение ветра. Усиленные возведением в некий ритуал мельчайшие жесты желающих нравиться любой ценой женщин и явная замороженность мужчины, темные тайны эроса в пряном аромате легкомысленного танго. Чаровницы из Вилько кружат хороводы вокруг Виктора, все вместе и каждая в отдельности, под звуки то меланхолических виолончельных сюит Баха, то страстной мелодии послевоенного танго в исполнении польской певицы. На сцене царит стихия игры, причем предметом игры становится абсолютно все. Сквозной образ – варенье, как образ уютного домашнего очага и еще чего-то такого неизбежно женского. В воздухе как будто разлит аромат томления, каждая деталь наполняется чувственным смыслом, как сам ритуал приготовления варенья: все сестры дружно выжимают ягоды, и красный сок стекает прямо на стол, тогда как одна из барышень достает варенье из банки рукой и оправляет сладостный нектар прямо в полуоткрытый рот Виктора. И так на протяжении всей сцены, приобретающей все более откровенно эротический оттенок. Или Виктор с завязанными глазами высыпает из шкафа гору старых женских туфелек и сидит, разглядывая их с непомерным интересом. А потом уже и девушки играют с ним: завязывают ему платком лицо, а потом тормозят и целуют по очереди сквозь ткань: угадай, кто я? Не столько любовь, сколько все оттенки желаний. Потерянный в этом лабиринте, он так и не найдет иного выхода, кроме бегства. И когда Виктор убегает из города женщин, кажется, что он не столько боится выбора, сколько утомлен любовью, которая, наяву или в грезах, непрерывно была у него со всеми барышнями из Вилько. И опять история повторится, как пятнадцать лет назад после отъезда Виктора покончит с собой самая младшая сестра, Туня.

Спектакль начинается и заканчивается смертью, а между тем от него остается пьянящее чувство полноты жизни.